

Всхлипы поруганных душ

Так оценивает настроения российского общества писатель Борис Васильев

Ольга НИКОЛАЕВА,
Александр НИКОЛАЕВ,
для «Новых Известий»

Более десяти лет Борис Васильев не создавал художественных произведений о современности, хотя болевые ее проблемы так или иначе отражались в его исторической прозе — будь то романы о Древней Руси или о становлении и судьбе русской интеллигенции. И вот, наконец, писатель предложил публике роман «Глухомань» — острозаметное и трагическое повествование о нашей действительности.

— Борис Львович, когда-то Белинский высказал мысль, что писатель порой обращается к прошлому, чтобы объяснить нам наше настоящее и намекнуть о будущем...

— Со мной так и произошло. В начале девяностых меня, очень увлеченного происходившим в стране, вдруг что-то остановило: «Нет, не то мы делаем! Кто мы есть? Демократы? Но демократия несовместима с тем, что мы творим!» Надо было разобраться во всей этой круговерти. Писать что-либо художественное в состоянии сумятицы в голове и душе я не умею, поэтому решил осушить свою давнюю, еще детскую мечту — заняться историей. Разумеется, современность все равно не отпустила, и все, что накапливалось в душе в связи с различными событиями, я выплескивал в публицистике. Погружение в прошлое позволило мне на примере разных эпох осмыслить в движении некоторые важные вещи — национальный характер, историко-культурные традиции, взаимоотношения народа и власти. Как только маленько стал соображать что к чему, рискнул взяться за роман. Хотя несколько раз бросал и начинал заново.

— В последней строке романа вы ставите неутешительный диагноз: «глухомань» — не вне, а внутри нас, в наших душах. Пожалуй, это самая безысходная ваша вещь, ведь в прежних все-таки брезжил свет в конце тоннеля.

— Вот уже больше тридцати лет я живу в подмосковном Солнечногорске, и реалии местной жизни легли в основу романа. Меня многое не простостораживает, а страшит, хоть я и не из пулгиных. Скажем, заметное влияние РНЕ они устраивают сборища, выпускают достаточно многотиражную газету и регулярно маршируют по улицам. Лев Толстой писал о скрытой теплоте патриотизма, нынче же патриотом прослыть ох как легко — ори громче всех: «Россия для русских!» Но ведь это — не что иное, как самый открытый национализм, и мне больно видеть, как люди, считающие себя интеллигентами и демократами, поддаются подобным настроениям. Это означает, что в обществе после крушения империи до сих пор не изжиты психология и идеология обиженных, ведущие к жажде самоутверждения любой ценой. В такой ситуации люди энергичные, деловые и безразличные начинают эксплуатировать духовный распад и отчаяние народа в своих целях. Нечто подобное было в Германии, и в итоге к власти пришел Гитлер. Вот, собственно, почему я написал этот роман.

— Как вы сегодня смотрите на перестроечные годы?

— Это было какое-то затмение умов. Мы забыли, что Россия вместе с христианством унаследовала византийское право, которое в отличие от римского не предполагает

ет демократии. Невозможно построить демократическое общество в стране, где по сути нет ни одного истинного демократа. А какой наивной была вера, мол, стоит только объяснить людям, что существуют права человека и так далее, они мгновенно этим проникнутся и все поймут. Не поняли, отшатнулись, кусок хлеба оказался важнее. Все, что происходило потом, представляется мне самым настоящим мародерством, когда бросились рвать на куски огромный ничейный труп от Бреста до Курил. Естественно, преуспели те, кто поумнее и понаглее, и, что немаловажно, кто составлял прежнюю власть или находился поближе к ней.

Практически всюду во главе те же коммунисты и комсомольцы, хотя они теперь себя таковыми предпочитают не именовать. Главное, что никакого принципиального значения это не имеет.

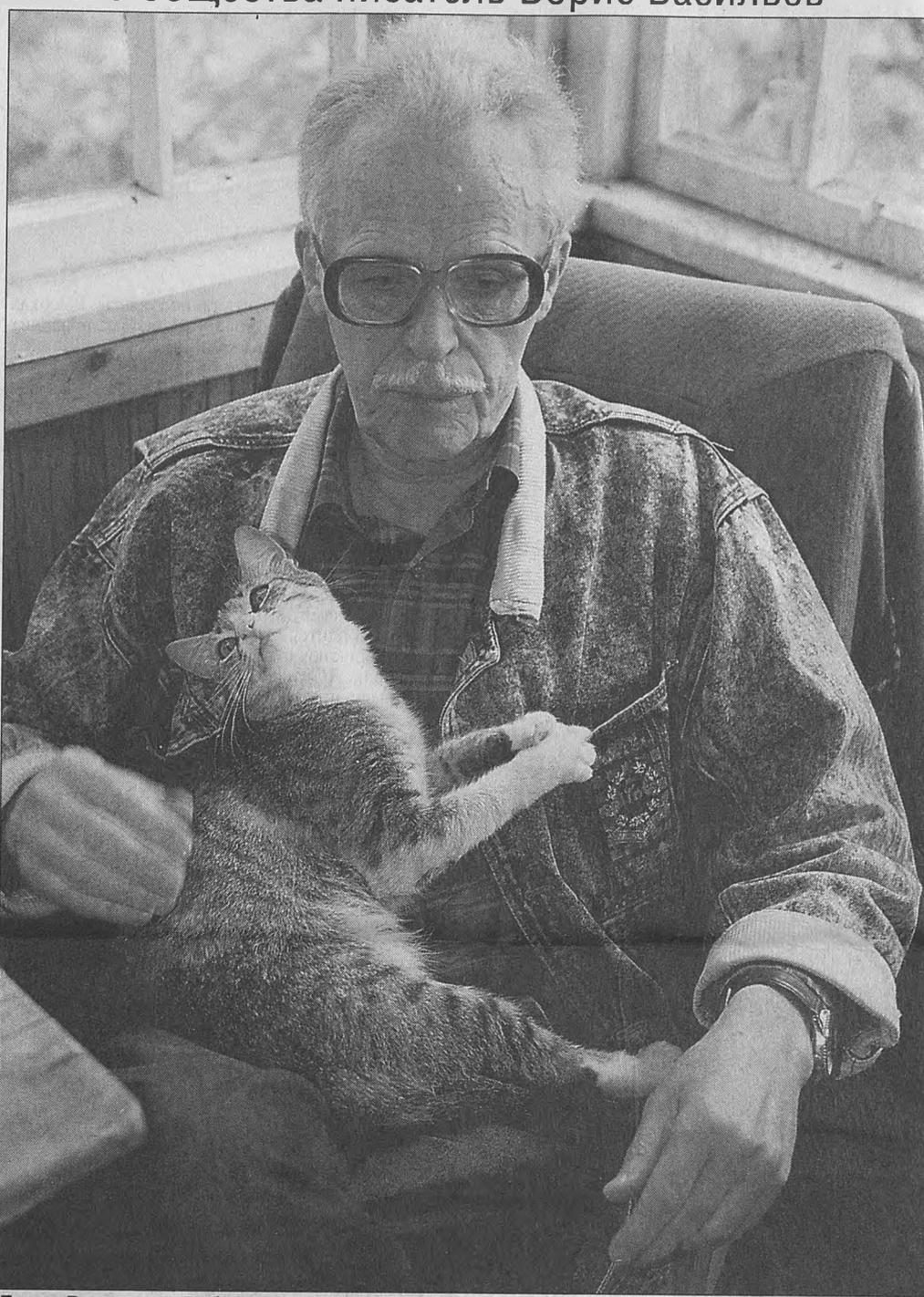
— В ту пору вы очень надеялись на интеллигенцию...

— Та же наивность. Во-первых, как выяснилось, интеллигенции в высоком понимании этого слова у нас ничтожно мало, во-вторых, она оказалась не готовой к власти. Управление людьми — целая наука, недаром же большевики отбирали кадры с весьма раннего возраста. А интеллигенция этой наукой не владела и не пожелала овладеть, и ее постепенно оттеснили в сторону. Теперь Россия едва ли не единственная страна в мире, где в правительстве нет интеллигенции. Это абсолютно несерьезно, поскольку элементарные шаги наперед не просчитываются, что ведет к массе ошибок, от которых ужас берет. Власть предрежащая никак не может понять, насколько необходима им интеллигенция — сила, определяющая нравственные ценности общества и регулирующая их направление. Именно через ее фильтр должны пропускаться важнейшие решения. Многие из них непременно будут ео критиковаться, а многие предугадываться и подсказываться, и нормальное государство должно все это учитывать.

Обратимся к истории — что, как не волна разговоров в светских салонах о необходимости отмены крепостного права, не литература, не публицистика, побудило Александра II к принятию решения? Он сумел прислушаться к мнению слоя просчитывающих людей и признать его правоту. А нынешние словно боятся потерять свой престиж. Сколько дров наломали только в национальной политике! Коли не знаете ни менталитета, ни верований, ни культуры, ни обычаев разных народов, то посоветуйтесь с теми, кто этим занимается. И еще один момент — надо эти народы уважать. Мы же высокомерно до глупости. Помните, как принял государь побежденного Шамиля, какое выказал ему уважение, обеспечил достойную жизнь. А когда сверху раздаются заявления про «бандитов» и «сортиры», чего можно ожидать от обывательского сознания? Я убежден, что тбилисская трагедия восьмидесяти девятого года, ставшая началом развала Союза, была вызвана прежде всего невежеством нашего руководства.

— Но, согласитесь, Тбилиси дал толчок событиям неизбежным.

— Да. Еще более ста пятидесяти лет назад, побывав в России, которая, кстати, занимала территорию большую, чем СССР, Александр Дюма предсказал ее распад.

Борис Васильев: «Рабство все еще глубоко сидит в нас».

Что мы имеем? Запад отошел полностью, Кавказ вот-вот отпадет благодаря дурацкой войне, в которой мы завязли. Хотя кое-кому она весьма на руку. Война до сих пор служит прекрасным средством отвлечения от собственных проблем. Давайте проследим, как она развивалась.

— Может быть, не стоит вновь и вновь обращаться к этой теме, ведь люди уже устали от нее?

— Нет, стоит, поскольку эта ситуация исподволь разрушает всех нас — и тех, чья душа болит, и тех, кому наплевать. И так, война началась перед выборами Ельцина на второй срок. Случайно? Затем наступило некоторое затишье. И вдруг, когда к власти идет Путин, как нельзя кстати взрываются дома на окраине Москвы. Любому здравомыслящему человеку ясно, что чеченцы здесь ни при чем. Война снова возобновляется, но теперь она носит характер народной, партизанской. Там же успело вырасти целое поколение, которое, кроме войны, ничего не знает и не умеет. Наполеон, победоносно вошедший в Испанию, вскоре вывел оттуда свою армию. На вопрос «почему?»,

он ответил, что там началась народная война, и что, во-первых, в ней нельзя победить, а во-вторых, регулярная армия не имеет права воевать с народом, так как это ее разлагает. Или, скажем, почему англичане, имевшие огромный опыт колониальных войн, взяв Кабул, в конце концов ушли из Афганистана? Они понимали, что пуштунлов победить нельзя — в их сознании отсутствует страх смерти. Но ведь тогда же и сознание чеченцев. Умей наши воюки слушать знающих людей, они бы раз и навсегда уяснили, что народ, не испытывавший ни в какой форме крепостное право и потому генетически внутренне свободный, можно уничтожить, но не покорить.

— Вы хотите сказать, что с точки зрения нравственно-психологической чеченская война есть попытка бывших рабов сломать волю свободных людей?

— Почему же бывших? Рабство все еще глубоко сидит в нас. Сколько лет русских людей топтали сапогами — княжескими, боярскими, дворянскими, жандармскими, большевистскими, которые оказались похуже всех остальных!

Холопы привыкли к битью и унижению, оттого и сегодняшняя модель наших взаимоотношений с властью холопская. Мы отучены принимать самостоятельные решения и все ждем, когда и что скажет барин. А барин-то предпочитает молчать и не делать резких движений, что явно неверно. Холопы тоже молчат, но внутри у них зреет недовольство, оборачивающееся внезапными и не имеющими особого смысла всплесками. Посмотрите, они то и дело где-то проявляются. Кроме того, немного найдется в мире стран, где бы с правительства общество ничего не спрашивало — ведь если мы вас избрали, значит, ваша обязанность нам отвечать.

— В романе достаточно трагично обрисованы судьбы ребят, прошедших службу в армии, причем не только в «горячих точках». Армия, по-вашему, калечит людей?

— Несомненно. И морально, и физически. Родители трясутся от страха, что их дети туда попадут. Я их вполне понимаю. Но ведь это позор для страны с такими военными традициями. Сегодняшняя армия полностью отделена от об-

щества. Это началось в пятидесятых. Я, выросший в семье офицера, помню совсем другие времена. Мы жили во многих военных городках, и каждое воскресенье там бывали дни открытых дверей. Приезжали родственники солдат, с ними беседовал комиссар полка, для них устраивались концерты, крутили фильмы. Более того, им показывали боевую технику, они присутствовали на маневрах. Армия была по-настоящему открытой. А ныне она замкнута на самой себе — за глухими заборами и часовыми, которым приказано никого не пускать. Никаких чувств, кроме отторжения и страха, такая армия не может вызвать. Помимо того, я никак не могу уразуметь, почему продолжают призывать семнадцатилетних. Во время войны, когда столько народу полегло, это можно было оправдать, но ведь до нее и в царскую, и в Красную армию призывались в двадцать один год. Потому не существовало дедовщины — попробуй тронь не пацана, а вполне зрелого мужика, обладающего не только чувством собственного достоинства, но и физической силой. А эти ребята боятся кулака и плачут. Как тут не разгуляться тем, кто постарше?

— Стало общим местом вздыхать по поводу нашего неумения учиться на примерах прошлого. Где собака зарыта?

— Россия была страной двух культур — системной дворянской, опиравшейся на исторические традиции, и бессистемной крестьянской, которая опиралась на обычаи и в истории не нуждалась. Итогом большевистского методичного уничтожения мыслящего слоя стала победа второй. Именно потому мы потеряли немало исторических и нравственных ценностей — и чувство собственного достоинства, и высокую гражданственность, которой была пропитана интеллигенция.

— Что, по-вашему, необходимо сделать, чтобы начались подлинно демократические перемены?

— В первую очередь отдать землю в частную собственность. Пока не изменится отношение к возможности ее продажи, ничего не произойдет. Почти половина Америки скуплена японцами, Голливуд стоит на земле, им принадлежащей. Ну и что? Изменилась от этого американская идеология? Ничуть. Далее, надо строить гражданское общество, о котором так много говорили, но как-то подзабыли. Путь к нему будет очень и очень непрост. Вы только подумайте, о чем обычно спрашивают друг друга наши мужики, иррационально выпливая: «Ты меня уважаешь?». Вопрос дикий для жителя цивилизованной страны, ибо само собой разумеется, что он себя уважает, окружающие его уважают, и, наконец, государство его уважает как своего гражданина. У нас принято на сей счет иронизировать, но мне всегда горько слышать эти всхлипы поруганных веками душ.

Конечно, Россия смогла пережить не одно смутное время, но тогда она была моложе. Сегодняшня крайне беспокоит усталость страны и утрата ею бывлой пассионарности. Мы существуем уже более тысячи лет, а история цивилизации показывает, что многие великие нации, а мы, безусловно, великая нация, исчезли с лица земли, примерно через такой срок. Так что есть серьезные основания полагать, что мы приближаемся к опасной грани.